

МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

MOSCOW
LINGUISTIC ALMANAC

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**А. Д. КОШЕЛЕВ
Н. В. ПЕРЦОВ**

**Составитель
и ответственный редактор
выпуска**

Н. В. ПЕРЦОВ

**Адрес редакции: 121857, Москва, ГСП-2, Бережковская наб. 24.
Патентная библиотека. Для Школы "Языки русской культуры",
тел. 240-32-13
факс: 246-20-20 для М153
E-mail: Lrc@koshelev.msk.su**

МОСКОВСКИЙ выпуск 1
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

СПОРНОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1996

**ББК 81.0
М81**

**М81 Московский лингвистический альманах, выпуск 1. – М.:
Школа «Языки русской культуры», 1996. – 248 с.**

ISBN 5-88766-050-3

ББК 81.0

**Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: Lrc@koshelev.msk.su) the
Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk)
has an exclusive right on selling this book outside Russia.**

**Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа
«Языки русской культуры», имеет только датская фирма G·E·C GAD.**

ISBN 5-88766-050-03

© Авторы, 1996

© Школа «Языки русской культуры», 1996

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	7
Н. В. Перцов. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики	9
1. Естественный язык как собственный метаязык	12
2. Субституция как основной способ верификации толкований	20
3. Акцентирование различий и малое внимание к инварианту	23
4. Изолированные лексические значения и употребления слов, не учитываемые в словарных статьях	34
5. Изоляционизм лингвистики	46
Постскриптум	61
Р. М. Фрумкина. «Куда ж нам плыть?»	67
А. Д. Кошелев. Референциальный подход к анализу языковых значений	82
0. Введение	82
1. Глаголы контакта <i>ударить, стукнуть, коснуться, толкнуть, оттолкнуться, столкнуться, падать</i>	89
2. Глаголы движения <i>перемещаться, идти, бежать, ползти, прыгать, шагать, ехать, взбираться</i> и положения в пространстве <i>стоять, сидеть, лежать, висеть</i>	104
3. Глагол <i>рисовать</i>	125
4. О метаязыке, семантических примитивах, первичных концептах и референтах	133
5. Анализ абстрактных значений. Слово <i>свобода</i>	142
6. К описанию инструментального значения творительного падежа	147
7. Референциальная трактовка инвариантных видовых значений	152
8. Референциальные значения глагольного времени	169
9. Наречие <i>сейчас</i>	179
10. К определению языковой дихотомии «живое — неживое»	185
Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука	195
В. Б. Борщев. Естественный язык - наивная математика для описания наивной картины мира	203
ЗАМЕТКИ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА СЕМИНАРА В КАЗАНИ	
Е. Г. Борисова. О «кризисе лингвистики»	226
Е. М. Брейдо. Между старым и новым	229
А. Е. Кибрик. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50—60-х годов	230
Н. Н. Леонтьева. О предмете «прикладная лингвистика» (отвечая Н. В. Перцову)	234
Г. С. Цейтлин. Тезисы выступления на Круглом столе	245

CONTENTS

Editors' note.....	7
N. V. Pertsov. On some problems of modern semantics and computer linguistics	9
R. M. Frumkina. «Where should we go farther on?» (A. Pushkin)	67
A. D. Koshelev. A referential approach to the analysis of linguistic meanings	82
Excerpts from e-mail correspondence between A. D. Koshelev and I. A. Mel'čuk.....	195
V. B. Borschev. Natural language as mathematics	203

NOTES OF THE ROUND TABLE PARTICIPANTS IN KAZAN

E. G. Borisova. On «the crisis in linguistics».....	226
E. M. Breido. Between the old and the not-quite-new	229
A. E. Kibrik. On «broken promises» of linguistics of the fifties and sixties	230
N. N. Leontyeva. On the subject of «applied linguistics» (in response to N. V. Pertsov)	234
G. S. Tseit'in. Theses of the Round Table talk	245

К ЧИТАТЕЛЯМ

В первом выпуске «Московского лингвистического альманаха» читателям предлагаются некоторые материалы дискуссии по поводу состояния дел в современной семантике. Такая дискуссия проходила осенью 1994 — зимой 1995 года на занятиях рабочего семинара «Возможности моделирования языка и проверки лингвистических утверждений», который функционирует на факультете теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета. Открывающая выпуск статья написана на основе моих выступлений на факультетском семинаре и доклада на Круглом столе Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям (Казань, 31 мая — 4 июня 1995 г.). Тематика Круглого стола — «О причинах медленных успехов лингвистической семантики и компьютерной лингвистики». Статья Р. М. Фрумкиной была спровоцирована первоначальным кратким вариантом моей статьи. Работы А. Д. Кошелева и В. Б. Борщева возникли в значительной мере как результаты обсуждений на упомянутых семинаре и Круглом столе. После статьи А. Д. Кошелева помещаются — разумеется, с согласия авторов — извлечения из его электронной переписки с И. А. Мельчуком (февраль — март 1995 г.), затрагивающие семантико-лексикографические проблемы. Далее даются заметки некоторых участников Круглого стола: Е. Г. Борисовой, Е. М. Брейдо, А. Е. Кибрика, Н. Н. Леонтьевой и Г. С. Цейтина.

Составитель и ответственный редактор выпуска

22 октября 1996 года

Н. В. Перцов

Редколлегия предполагает продолжить в следующих выпусках Альманаха обсуждение затронутых здесь проблем. Мы заинтересованы в получении откликов на публикуемую подборку материалов (в виде статей, заметок или писем). Мы также хотели бы открыть на страницах Альманаха дискуссию и по другим актуальным проблемам современной синхронической лингвистики. Вот примерный список тематических рубрик (в порядке убывания их приоритетов):

Семантика, лексикография, теория референции
Проблемы метаязыка лингвистики
Прагматика и теория речевых актов
Синтаксис и морфология
Компьютерная лингвистика
Типология
История отечественной лингвистики XX века
(воспоминания очевидцев и документы)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ*

Если вспомнить историю развития лингвистики начиная с рубежа 50—60-х годов, можно прийти к следующему выводу: лингвистика сделала гораздо меньше в ее прикладном аспекте, чем от нее ожидалось в те далекие годы. Тогда казалось, что проблема общения человека с машиной на естественном языке будет быстро разрешена, что создание хороших систем автоматического перевода (и вообще систем автоматической обработки текстов), сопоставимых по качеству работы с продуктами человеческой деятельности, — дело сравнительно недалекого будущего. Математический бум в лингвистике того времени многим вселял надежды на скорое создание строгих и при этом содержательных аксиоматических систем, определяющих основные понятия лингвистики, вообще — на полную аксиоматизацию теоретической лингвистики. Казалось, что математическая лингвистика охватит все проблемы классической синхронической лингвистики — как теоретические, так и прикладные. Дальнейшее развитие лингвистики — в параллель с развитием математики, психологии и таких относительно новых областей знания, как *computer science*, искусственный интеллект и др., — отчетливо показало шаткость тех оснований, на которых были основаны оптимистические ожидания и надежды того далекого времени. Тогда исследователи еще не могли в полной мере осознать всю невероятную степень сложности объекта, избранного для моделирования, — естественного языка.

Главным препятствием на пути компьютеризации лингвистической теории стали, во-первых, трудности точного описания языковых значений и, во-вторых, необходимость преодоления языковой неоднозначности при автоматическом анализе текста. Если бы ис-

* В настоящей работе развернуты тезисы короткой заметки автора: Перцов Н. В. Критический взгляд на некоторые современные семантические концепции // Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. — Казань, 31 мая — 4 июня 1995 г. — Казань, 1995. — С. 243—246. Нумерация разделов статьи совпадает с нумерацией пунктов введения упомянутой публикации.

следователям удалось найти способы столь же строгого задания значений, как достигнутые способы представления единиц фонетического и морфологического уровней языка, если бы удалось выработать четкие процедуры оперирования с объектами семантического представления языковых выражений, наконец, если бы мы существенно продвинулись в наших попытках справиться с автоматическим выбором при синтаксическом анализе ограниченного набора правильных вариантов из обширной совокупности формально допустимых, тогда можно было бы рассчитывать на скорое овладение способами формального, т. е. компьютеризируемого, преобразования языковых объектов и на получение высококачественных результатов автоматической обработки текстов. Но до такого овладения еще очень далеко — и покамест не ясно, возможно ли оно вообще, т. е. можно ли построить такой языковой автомат, продукты функционирования которого — даже если ограничиться областью «деловой прозы» — не отличались бы от языкового поведения человека.

Следует признать, что, если рассматривать синтаксис и семантику естественного языка, современная теоретическая лингвистика вносит небольшой вклад в разрешение компьютерных проблем языкового моделирования. Лингвистика в основном оторвана от «земных» компьютерных забот, замкнута в самой себе, отграничена от других областей знания — в отличие от времени «бури и натиска», с обращения к которому было начато данное изложение. Среди лингвистов достаточно распространено мнение, что не столько лингвистика должна обращаться к другим наукам за новыми идеями, методами, техникой описания, сколько другим наукам следует черпать в лингвистике идеи и методы. Такую точку зрения ее адепты обосновывают посредством апелляции к уникальному месту и роли языка в мире человека, к его богатству и сложности его организации. Раз среди всех наук исключительным правом изучения столь сложного и интересного объекта обладает именно лингвистика, то, стало быть, она и должна питать многими идеями другие области знания. При этом сторонники исключительного места лингвистики среди всех прочих наук о человеке упускают из виду то очевидное обстоятельство, что в одиночку она не в состоянии справиться с многочисленными трудностями как теоретического, так и прикладного характера, что именно сложность объекта предполагает необходимость радикального пересмотра ее стратегии, включения в сферу ее внимания новых методов и инструментов, заимствованных из других областей. В противном случае ей грозит опасность превращения в некую эзотерическую область знания, интересную и доступную только самим лингвистам.

Особенно рельефно отмеченные признаки современных лингвистических исследований проявляются в сфере изучения лексических значений и их лексикографического представления. Поэтому в дальнейшем изложении речь пойдет в основном о семантике и лексикографии. Будут рассмотрены свойства некоторых теоретических концепций современной лингвистики, занимающих в ней заметное место и в значительной мере характеризующих ее состояние. Среди прочих можно назвать такие выдающиеся теории, как теория моделей «Смысл \leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука, семантическая концепция школы Ю. Д. Апресяна (Московская семантическая школа), теория семантических элементов и метаязыка А. Вежбицкой. Думается, что небольшие успехи в областях автоматической обработки текстов, общения с машиной на естественном языке и т. п. и сравнительно малый вклад лингвистики в решение соответствующих проблем отчасти можно объяснить рассматриваемыми ниже свойствами нашей науки. Я предполагаю, что ряд свойств указанных выше теоретических концепций присущ современной лингвистике вообще, во всяком случае — очень многим ее направлениям.

Отступление: два важных метатекстовых замечания

1. Хотелось бы предупредить возможное неверное истолкование критического пафоса настоящей работы. Автор с большим уважением относится ко всем трем рассматриваемым концепциям и к их незаурядным достижениям. Все три направления отличает тонкость и глубина проникновения в тайны языковой семантики. Модель «Смысл \leftrightarrow Текст» представляет собой объемную теорию языка, выработавшую аппарат лингвистического описания, — с широким инвентарем средств (среди которых выделяются лексические функции), с существенным металингвистическим компонентом (средствами строгого описания лингвистических понятий). В рамках Московской семантической школы создана концепция интегрального описания языка, состоящая в согласованном описании словаря и грамматики и в принципе системной лексикографии. А. Вежбицкой создана и развивается впечатляющая теория семантических примитивов и семантического метаязыка. Я не сомневаюсь, что в рамках каждого из этих научных направлений, не выходя за пределы, поставленные авторами и их последователями, можно сделать еще очень многое. В отношении своего научного становления я многим обязан теории моделей «Смысл \leftrightarrow Текст» и И. А. Мельчуку лично. Модель «Смысл \leftrightarrow Текст» я вижу не как сторонний наблюдатель, а как человек, причастный к ее развитию.

Однако бывшие «птенцы гнезда» Мельчукова вовсе не обязаны ограничивать свой научный кругозор рамками исходной концепции. Для любой научной парадигмы рано или поздно наступает время, когда уместно произ-

вести пересмотр некоторых положений и методов, и это нужно для развития самой парадигмы. Возможно, для указанных трех теорий такое время уже наступило.

2. Может возникнуть вопрос о конструктивности и уместности принимаемой мной полемики. Раумеется, кроме нее, было бы желательно предложить больше конструктивного, чем это сделано в настоящей работе. К сожалению, я не располагаю готовой альтернативной теорией, достаточно «осязательными» инструментами семантического описания, дополняющими известные инструменты или противопоставленные таковым. Покамест я могу лишь указать некоторые «болевые точки» современной лингвистики и высказать соображения о возможных способах преодоления ограничений существующих теорий. У меня нет никаких прогнозов о том, когда это станет возможным.

Уместно вспомнить Лермонтова, так завершившего предисловие к «Герою нашего времени»: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить, это уж Бог знает!»

Обзор свойств современной лингвистики группируется ниже по следующим разделам: 1) естественный язык как собственный метаязык; 2) субституция как основной способ верификации толкований; 3) акцентирование различий и малое внимание к инварианту; 4) изолированные лексические значения и употребления слов, не учитываемые в словарных статьях; 5) изоляционизм лингвистики.

1. Естественный язык как собственный метаязык

Значения единиц естественного языка описываются средствами самого естественного языка (ЕЯ), т. е. ЕЯ выступает в роли собственного метаязыка. Несмотря на то, что средства описания, выделяемые из состава ЕЯ, подвергаются уточнению и ограничению, они все же сохраняют те признаки ЕЯ, которые препятствуют его формальному описанию и автоматической обработке текстов, а именно, неопределенность и неоднозначность. Нет строгого описания ни лексики, ни синтаксиса метаязыка описания, который, таким образом, отнюдь не является формальным языком — вопреки утверждениям авторов рассматриваемых концепций. А подобные утверждения высказываются нередко; приведу цитаты из недавно вышедшей учебной монографии [Mel'čuk et al. 1995]:

«ТКС [толково-комбинаторный словарь] есть первый пробный опыт разработки словаря на основе формального языка и лингвистической теории, которая тоже является формальной» [с. 33].

«В ТКС делается упор на формализованный метаязык, обладающий достаточными выразительными средствами для семантического описания (толкование), для синтаксического описания (модель управления) и для описания сочетаемости (лексические функции). Метаязык или — точнее — метаязыки ТКС задаются строгими и гибкими правилами образования, которые позволяют лексикологу описывать строго формально все наблюдаемые факты» [с. 35].

Далее говорится о характеристике этих метаязыков в соответствующих разделах книги. Я не могу согласиться с тем, что характеристики зон словарной статьи ТКС — семантической (толкование, коннотации), синтаксической (модель управления) и лексической (лексические функции) — это подлинно формальные описания [Mel'čuk et al. 1995: ch. III, 3.3—3.5]: настоящих — в математическом смысле — правил образования там нет, как нет и подлинной строгости, и очень многое остается на произвол читателя. Вместе с тем, следует признать, что по уровню строгости изложение в обсуждаемой книге существенно превосходит средний уровень лексикологических работ.

Это говорит лишь об общей ситуации в рассматриваемой области. Мне не известны достаточно мощные языки лингвистического описания, которые были бы при этом по-настоящему формальны, что отличает положение лингвистики от наук, которые называют «точными». В самом деле, в каком случае можно говорить о подлинной формальности языка? По-видимому, язык, претендующий на формальность, должен обладать теми свойствами, которые требуются в точных науках: 1) наличие конечного множества исходных «строительных» элементов («алфавит» языка); 2) наличие строгих правил образования из исходных элементов составных объектов языка — его «слов»; 3) наличие строгих правил построения из «слов» «фраз» данного языка.¹ Множества «слов» и «фраз» языка должны быть разрешимы относительно множества всех мыслимых цепочек в исходном алфавите, т. е. для каждой такой цепочки мы должны уметь определять ее принадлежность к этим множествам. Известные автору семантические метаязыки этими свойствами не обладают.

Но, может быть, следует «снизить планку» требований к формальному языку семантического описания — по сравнению с формальными языками точных наук? Возможно, требование формальности семантического метаязыка следовало бы принять в такой редакции: формальный язык — это такой язык, который изложен достаточно строго и четко для подавляющего большинства использующих его людей — так, что они одинаковым или близким

образом оценивают выражения как принадлежащие или не принадлежащие данному языку и одинаковым или близким образом строят фразы на этом языке. В такой редакции формулировки формальности язык должен обладать свойствами однозначности, полноты и последовательности, которые признавались необходимыми для формального описания еще во второй половине 60-х годов в книге [Гладкий, Мельчук 1969]. Однако и такая «сниженная» формальность не присуща семантическим метаязыкам, строящимся на основе естественного языка и понимаемым как его ограниченная и унифицированная часть.

Действительно, элементы семантических метаязыков, по указанию их авторов, совпадают с конкретными значениями некоторых выделенных слов ЕЯ — их «ядерными», наиболее общими значениями; другие же значения соответствующих естественно-языковых слов изымаются из метаязыка — в целях устранения в последнем естественно-языковой лексической неоднозначности. Однако мне представляется, что при восприятии и оценке некоторого выражения, содержащего элементы ЕЯ — пусть и взятые в некотором фиксированном значении, — исследователь не может выйти из пут, налагаемых языком-объектом: неоднозначность, неопределенность, размытость, богатство ассоциаций, культурный ореол и прочие свойства ЕЯ, необычайно ценные для его функционирования в качестве средства обычного общения или в поэтической функции, могут оказаться помехой при строгом научном описании значений единиц языка средствами самого этого языка. [См. ПОСТСКРИПТУМ, п. 1.2.]

Рассмотрим, например, принадлежащее Ю. Д. Апресяну и М. Я. Гловинской толкование глагола *обещать*, довольно близкое к уровню семантических примитивов [Апресян 1995б: 470 и сл.]:

X обещает Y-у, что сделает P = 'зная или считая, что Y или какое-то третье лицо заинтересованы в P [пресуппозиция], X говорит Y-у, что сделает P, несмотря на возможные трудности [ассерция]; X говорит это, потому что хочет, чтобы ему поверили, понимая, что если он не сделает P, ему перестанут верить'.

К числу примитивов относятся единицы 'считать', 'знать', 'говорить' и 'делать', к числу близких к примитивам слов — компоненты 'заинтересован', 'несмотря на', 'трудно', 'верить', 'понимать'. Замечу, что для полноты следовало бы указать среди семантических примитивов смысл причины (*потому что*), среди второй группы слов — смысл окончания (*перестанут*), а также прояснить статус выражений *третье лицо* и *возможный*. Участвующие в при-

веденном толковании естественно-языковые неоднозначные слова не снабжены различительными индексами, отмечающими их значения-интерпретации и при этом ссылающимися на какой-либо словарь или иной источник; тем самым, интерпретации этих лексем не прояснены, и перед читателем встает проблема выбора. Например, как интерпретировать здесь слово *говорить*? Если в качестве интерпретации слова — компонента толкования — брать первый приходящий в голову «обыденно языковой» смысл, то для *говорить* хотелось бы взять нечто подобное тому, что предложено в [Зализняк Анна 1991: 71] — ‘произносить... текст...’. Но тогда предложенное толкование не будет охватывать ситуации письменных обещаний или обещаний, данных с помощью какой-либо редкой манифестации естественного языка (например, азбуки Брайля) или с помощью жестовых движений, например, прижатия руки к груди в ответ на реплику *Обещай мне!*, что обоими участниками общения может быть интерпретировано именно как акт обещания, хотя обещавший и не прибег к речи. В другой работе Ю. Д. Апресяна [1995г: 356] значение примитива ‘говорить’ прояснено — это примитив, соответствующий системе «речь» — одной из основных систем человека, охватывающей такие действия, как *сообщать, обещать, просить, предупреждать, ругать, хвастаться* и др. Содержание примитива ‘говорить’ в такой интерпретации описывается, как представляется, более адекватно глаголом *сообщать*: скажем, просить что-либо и предупреждать о чем-либо мы можем и не прибегая к естественному языку — взглядом или жестом (это может сделать и домашнее животное).

Подвохи другого рода подстерегают авторов и читателей толкований при интерпретации синтаксических конструкций. Например, в рассматриваемом толковании *обещать* дважды используется неопределенно-личная конструкция с глаголом во множ. числе: [ему] *поверили*, [ему] *перестанут верить*. Встает вопрос о первом актанте данных предикатов. Вряд ли таковым является Y: тогда бы он был указан явно. Первый актант в конструкциях такого рода — это некое неопределенное множество людей, подразумеваемое в описываемой ситуации (обозначаемое нулевой лексемой — Ø^{люди} [Mel’čuk 1995: 180]). Семантика этого актанта весьма сложна и неопределенна. Хорошо ли неопределенность, свойственную единицам естественного языка, переносить в такие строго научные объекты, каковыми призваны быть толкования? Быть может, в анализируемом толковании следовало бы явно заполнить первую валентность соответствующих предикатов — нечто вроде ‘... чтобы ему поверили люди из его окружения...’? Если в толкования не допускаются достаточно богатые в семантическом аспекте слова, тогда и среди

синтаксических средств языка должны отвергаться в качестве строевых единиц толкований такие семантически содержательные конструкции, как неопределенно-личная.

Насколько мне известно, в семантических языках отсутствуют полные перечни лексических единиц, которые в них разрешается использовать, и тем самым остается невыделенной та часть ЕЯ, которая входит в их состав. В лучшем случае задается перечень исходных семантических элементов — примитивов, как в семантическом языке А. Вежбицкой. Перечень примитивов А. Вежбицкой постоянно пересматривается и количественно увеличивается: от 13 примитивов, выделявшихся ею в 1977 г., он возрос едва ли не до полусотни, получаемой сложением представленных в сборнике [Goddard, Wierzbicka 1994] и добавленных в недавней статье [Wierzbicka 1996].² [См. ПОСТСКРИПТУМ, п. 1.1.]

Концепция А. Вежбицкой — одна из наиболее популярных семантических концепций в отечественной лингвистике. Признавая ее исключительное значение для современной семантики и семантическую зоркость и глубину исследований А. Вежбицкой, позволю себе высказать некоторую критику.

В концепции А. Вежбицкой краеугольным камнем является постулирование ограниченного набора исходных семантических элементов (СЭ — «semantic primitives»), конфигурации которых призваны, по мысли автора концепции, задавать толкования всех лексических и грамматических значений данного естественного языка. Предполагается задание этих значений в рамках некоторого ограниченного естественного подъязыка — «естественного семантического языка» (ЕСЯ), с его замкнутым синтаксисом. ЕСЯ заимствует лексику и синтаксис из естественного языка, ограничивая их нужным образом: отбираются особые лексемы, взятые в определенных значениях, и определенный набор синтаксических конструкций. Несмотря на принятые формализующие ограничения, приходится признать, что естественный язык служит средством описания самого себя, выступает в качестве собственного метаязыка.

Возраст концепции СЭ превышает уже двадцать лет, и за истекший период их количество возросло с 13 до 37 к 1994 году и до полусотни по состоянию, отраженному в [Wierzbicka 1996]. Следует отметить, что сама значительность прироста СЭ — почти в четыре раза — вызывает известные сомнения в обоснованности их отбора. Вариант набора СЭ, изложенный в сборнике [Goddard, Wierzbicka 1994], содержит следующие семантические единицы (точками с за-